

Н.Я. Соловьев

Северка

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Н11

Н11 **Н.Я. Соловьев**
Северка / Н.Я. Соловьев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 406 с.

ISBN 978-5-4241-1515-8

Соловьев Николай Яковлевич - русский драматург. Родился в Рязани, окончил гимназию в Калуге. Не закончив Московского университета, в 1869-75 был учителем в г. Мосальске Калужской губ. Первая пьеса Соловьева - "Куда деваться" (1866). Из 23 пьес Соловьева 6 остались в рукописи. Многие пьесы шли с успехом на сцене и затрагивали актуальные вопросы своего времени. Наибольший общественный резонанс вызвала пьеса "На пороге к делу" (1879). А. Н. Островский ценил дарование Соловьева, близко-го ему по характеру творчества. Прочно вошли в театральный репертуар именно те 4 пьесы Соловьева, которые были написаны в соавторстве с Островским в 1876-80: "Счастливый день", "Женитьба Белугина", "Дикарка" и "Светит, да не греет". Степень участия Островского в совместной работе с Соловьевым еще не вполне выяснена исследователями.

ISBN 978-5-4241-1515-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Н.Я. Соловьев, 2021

Николай Соловьев
Северка

Крестьянская застава.

Моя мама родилась в деревенской семье на Рязанщине, в 39 году. В том же году ее отца Семена призвали на срочную службу в армию. В

Отечественную Семен не воевал – служил в генштабе, по причине хорошего почерка. Жена Люба ездила повсюду за Семеном и устраивалась всякий раз на простые работы – учетчицей, воспитателем детского сада и другие. Семен до пенсии проработал в генштабе, начав с рядового и закончив полковником. Несколько раз семья меняла место жительства.

Сначала жили на станции Пионерской по Белорусской дороге, потом у Чистых прудов, потом на Хорошевском шоссе, и, наконец, в Измайлово.

Деды мамы Прохор и Севастьян оба из Рязанской области, оба работали директорами колхозов.

Маме было четыре, когда у нее появилась сестренка Люда. Когда девочки немного подросли, родители стали отправлять их на лето в родную деревню в Рязанской области. Добирались в те времена почти сутки. Приезжали вечером, и спать ложились на сеновале. На следующий день деревенские ребята и девчонки с удивлением рассматривали сестер, одетых в невиданные столичные одежды. Круглый день девочки скакали вместе с деревенскими ребятами. Только голод приводил их домой. Если опаздывали к обеду, на столе ждали накрытые полотенцем кувшин молока и миска с кусками хлеба, испеченного бабушкой.

Иногда родители уезжали в отпуск в школьное время. Они выдавали девочкам деньги, строго рассчитанные на каждый день, по банке тушенки на день и картошку. Холодильник закрывали на замок.

Холодильники ЗИЛ выпускались со встроенным в ручку замком. Девочки, выслушав наставления и проводив родителей, первым делом шли в кондитерский магазин и покупали коробку шоколадных конфет. Они задолго присматривались к ней. Приходили с покупкой домой, делили конфеты поровну и блаженствовали. Когда в доме появился телевизор, на время отпуска отец прятал предохранитель от него – телевизор вещь дорогая, девочки могут испортить. Сестренки всегда находили предохранитель и смотрели телевизор, сколько влезет. В то время телевизор показывал единственный канал – первую программу. Между телепередачами иногда случался большой перерыв, при этом на экране стояла заставка, например: 'Перерыв 45 минут'. Возвращаясь из отпуска, отец первым делом заходил и трогал телевизор – не теплый ли. Семен был строгий и любил порядок и хорошие отметки.

По субботам в то время работали, и праздников было меньше. А на праздники в комнату, где жила семья, приходили соседи по общежитию, позднее – родственники. Всегда было весело – песни весь вечер, обильная еда, вино.

До восьмого класса девочки учились в женских школах. Для мальчиков были мужские. Старшеклассницы ходили по улице, взявшись под руки, занимая всю ширину тротуара. Щебетали, или пели любимые песни. Вдруг навстречу появлялся юноша и тайно обожающая его девушка, смущалась и заливалась румянцем. Этой ночью она долго не уснет, и будет думать об этой встрече. Все юноши в те времена зачесывали волосы назад и носили кепки. Девушки не носили распущенных волос, а заплетали их в косы

Мой отец родился в Москве, на Моревском переулке у Крестьянской заставы, за кинотеатром 'Победа'. Родился на год раньше мамы. В деревянном двухэтажном доме. Кроме Соловьевых в нем живут несколько других семей. Двор вокруг огражден таким же, как дом серым от времени деревянным забором. Во дворе сарайчики для свиней и утвари.

По словам отца, до революции дом принадлежал деду моему – Николаю, возможно, это сказка. Отец мог запросто выдумать. Володя младший в семье, у него есть брат Виктор и сестры Валя и Вера. Валя старше

Володи на двадцать лет, Вера – на десять, Виктор – тоже на десять. У

Вали своя семья: муж Вася и сын Саша, ровесник Володе.

Сестра Вера больна церебральным параличом с одиннадцати лет.

Спешила домой с молоком, упала, порезалась бутылкой и занесла заразу. Вера проучилась четыре класса и больше не стала, по причине ли войны или паралича – не знаю. Кем работал Виктор – не знаю, знаю, что он играл в футбол за команду мясocomбината – будущий Спартак. В семье остались его часы с надписью: 'Чемпиону Спартак Соловьеву В.

1951 год'. Дед Николай работал заведующим мехового отдела в сотовом магазине на Пролетарке. Благодаря ему семья жила твердо. Отец рассказывал про деда всегда одно и тоже: как он на стадионе 'Динамо' угощал болельщиков бутербродами и выпивкой. Бабушка моя Ньюша (Анна

Ивановна) не работала, готовила, занималась свиньями, чинила одежду.

Ей помогала Вера. А Валя работала бухгалтером в том же сотовом магазине. Семья была верующая. Крестились перед едой, во всех комнатах иконы, иконостас, регулярно ходили в церковь. Особенно набожны были бабушка Ньюша и Вера.

В начале войны маленьких Володю и Сашу вывезли в подмосковное

Крупино, деревню, кишащую Соловьевыми, двоюродными и троюродными. В деревне было спокойнее, а продукты раз в неделю привозила Валя. Отец рассказывал мне, как рядом с домом на Моревском разорвалась авиабомба.

Володя интересовался футболом, хоккеем, умел на велосипеде, на лыжах, играл в шахматы, как большинство тогдашних мальчишек. В армию его не взяли по плоскостопию.

Дед Коля умер в 55-м, семье стало тяжело.

После школы Володя поступил в строительный на вечерний, а работать пошел в красивый магазин на Мясницкой, в секцию телевизоров. В то время телевизоры были дефицитом, а хорошие модели тем более. Володя при случае спекулировал совсем как Дима Семицветов в фильме

'Берегись автомобиля'. Но системой это не стало. В том же магазине в секции парфюмерии работала мама, по вечерам она училась в

Плехановском. Они познакомились и стали встречаться.

Весь свой заработок мама отдавала в семью. В 59-м у Куракиных родилась третья дочь. Все внимание родителей сосредоточилось на ней.

Маму подталкивали к замужеству. Она решила и вышла за отца. Ушла из офицерской семьи в семью, где верили в бога, ходили в церковь и молились дома, где в комнатах висят иконы и иконостас с кадилом. Где в доме стояли сундуки с сапогами и лисьими воротниками, где не знали вилок, а хлеб ломали рукой.

Весной 60-го родился я. Сразу с гландами. Папа всегда рассказывает, что я

весил четыре пятьсот, но в анкетах я пишу восемь сто, так солиднее. Обувь – сорок третий. Рентген показал – отряд позвоночных. Первое время голова орала, а затем стала понемногу говорить: 'Агуня' – 'Огурец', 'Энана матиня' – 'Вон она машина',

'Кильканакия' – 'Куракина', 'Тутоня' – 'тетя Тоня', 'Пзвльте пцлвть вщрчку' – 'Позвольте поцеловать вашу ручку', 'Киргуду, бамбарбия' -

'Если Вы откажетесь, они Вас зарежут'.

Медведь, пытался наступить мне на ухо, но его вспугнули, и с тех пор он вздрагивает и курит одну за другой.

Через два месяца нашу семью стали выселять, наш дом и соседние подлежа-ли сносу. Семье предложили на выбор два района – Черемушки и

Кузьминки. Выбрали Кузьминки. Возможно потому, что они ближе к

Крестьянке. Тут дед похоронен на Калитниковском, Валя работает в сотом. И Крупино тоже ближе к Кузьминкам.

Переехали на пятый этаж хрущевки в две соседние квартиры. В двухкомнат-ной поселились пять человек Истровых, в трехкомнатной – шесть Соловьевых. Наш дом новый и весь квартал новый. Вокруг ни одного деревца, лишь глина и песок и такие же пятиэтажки. С одного торца детский сад, с другого – школа. Окна на восток в тихий двор.

Из окна можно увидеть подводу, запряженную лошадкой. Рядом дорога, по которой может проехать машина. Но машины здесь редкие гости. Если она проезжает вечером, в темной комнате по потолку беззвучно расширяются и ис-чезают две полосы от фар. На площадке под фонарем стоит зеленая инвалидная машина и мотоцикл с коляской. По дворам ходит точильщик. Он таскает за собой наждак с моторчиком и подключается своим кабелем в какой-нибудь квартире первого этажа.

Кузьминки граничат с Текстильщиками. Разделяет эти районы Волжский бульвар. Сначала сразу за бульваром был лес, потом выросли

Кузьминки. По Волжскому бульвару проходила линия электропередач

(ЛЭП), в середине 60-х кабели убрали в землю, вышки кто-то унес.

Бульвар стал зарастать травой, кустами и деревьями. Летом здесь во всю резвятся насекомые. Дорожки и тропинки лысые, желтые, протоптанные к останкам, магазинам и вдоль бульвара для прогулок.

Никакого асфальта.

Текстильщики застроены на несколько лет раньше Кузьминок.

Пятиэтажки здесь из силикатного кирпича, (в Кузьминках – панельные).

Здесь же много двух – трехэтажных домов с уютными двориками – остатки былой пригородной застройки тридцатых – сороковых годов.

Зелень.

Улица Юных ленинцев составляет крест с Волжским бульваром. Это важная магистраль Текстильщиков – Кузьминок, наряду с параллельным

Волгоградским проспектом. Улица Юных Ленинцев застроена типовыми панельными пятиэтажками с балконами или без. Через пятьсот шагов троллей-бусные остановки с типовыми продовольственными магазинами из желтого кирпича, два кинотеатра – Кишинев (в Текстильщиках) и Высота

(в Кузьминках). Юные Ленинцы ведут к лесу и парку с каруселями, качелями и аттракционами для детей на конечной остановке 38-го троллейбуса. На другом

ее конце – колхозный рынок. Метро еще не было, ближайшая станция – Таганская.

Сначала моя кроватка стояла в мамино-папиной комнате. В большой не знаю кто жил, наверное, Виктор. Он рано умер, совсем его не помню.

После трех лет я спал в большой комнате или в третьей. В ней жили бабушка Ньюша и Няня. Няней я называл Веру – мою тетюшку. Лет после пяти, узнал, что зовут Няню – Вера. Но я продолжал звать ее Няня.

– Ну, Нянечка, ну Нянечка!

– Я не нянечка, а воспитательница.

Няня говорила: 'пашкет', 'жженные газеты' (выгоревшие от солнца они висели приклеенные к окнам, чтобы защитить от выцветания шторы), 'свят-свят-свят', 'царица небесная'. Папе, когда он напьется: 'Каратель', 'Держись, геолог'.

Если в доме была любительская колбаса, Няня выковыривала из отрезанного кусочка весь жир. И я привык есть без жира. Он отвратителен на вкус. И с тех пор стал считать, что жир в колбасе – просто недоразумение и такая же побочная и ненужная вещь, как целлюлозная оболочка или оберточная бумага.

Шоколадное масло – самое замечательное, что может быть на свете.

Его приносили завернутое в промасленную коричневую грубую бумагу.

Бабушка Ньюша любила меня, гладила квадратную головку и носила на закорках, если я засыпал на улице.

В бабушкину и Нянину комнату переехал иконостас. Это сооружение из трех вертикально расположенных застекленных икон и одной иконы в ризе. Все объединены одним деревянным крашеным корпусом. Вверху на цепочках висит лампада из узорчатого металлического корпуса с цветными стеклышками – фиолетовыми, зелеными, красными. В ней лампадное масло и фитилек. Лампаду по праздникам зажигают.

У стены дореволюционное зеркало, тусклое, на серебряной основе.

Когда-то оно было в полный рост, но его снизу разбили и обрезали, и теперь осталась половинка в деревянной крашенной оправе с завитушками в стиле барокко.

Швейная машинка 'Зингер', закрепленная на специальном столе. Это целый станок с ременной передачей и ножным приводом. Все детали, кроме столешницы чугунные: ножки, шкив, педаль. Как ограда на набережной. Можно просто побаловаться, подавить на педаль. Шкив после разгона долго крутится.

Меня крестили. Баба Ньюша с Няней иногда водили меня в церковь.

Ничего не запомнил, кроме одного причащения. Солнечный летний будний день. Взрослые и я зашли в пустую церковь. Сразу поразил контраст между залитой Солнцем улицей и церковным полумраком, уличной жарой и церковной прохладой. Потолок уходит в высь – такого я еще не видел ни дома, ни в детском саду. Меня положили на какую-то подставку.

Подошел дядя с косматой бородой и громовым басом, разносившимся эхом под сводами. Дяденька поднес ко мне ложечку с чем-то красным и пытался заставить меня съесть это. Что ли Бармалей? Обругал дяденьку

– может, испугается? Дяденька спросил бабушку Ньюшу:

– Что он сказал?

– Ничего, батюшка, – а мне: – Коленька, там варенье, попробуй.

Попробовал, и в самом деле, сладко.

Научился ругаться. У взрослых. Папа веселится, а маме часто приходится

неловко. Лифта в нашем доме нет, и мама всякий раз нервничает, когда несет меня по лестнице. Открывается дверь случайной квартиры, и я посылаю очередного дядю Степу на Дарданеллы.

Стричься нас с Сашкой возят в парикмахерскую 'Челочка' на улице Юных Ленинцев, в двух троллейбусных остановках от кинотеатра 'Высота' в сторону леса. 'Челочка' – детская парикмахерская в полуподвале пятиэтажки. Сашка родился у Истровых через два года после меня. Стрижка неприятное испытание для него и для меня. Слезы в глазах. И зачем это нужно стричь волосы – растут и пусть себе растут.

Летом 63-го мы с папой идем за руку по улице Машиностроения мимо техникума к автобусной остановке. Папа делает большой шаг, я – два маленьких. Иду и под нос напеваю: 'А если узнаешь, что друг влюблен, и он на твоём пути, уйди с дороги таков закон, третий должен уйти'.

Это песня из нового кинофильма 'Путь к причалу'. Она популярна, ее ежедневно крутят по радио. Это самая первая моя песня.

А с мамой мы иногда гуляем по тихой улице Юных Ленинцев. На голове у мамы пучок, его носит большинство москвичек. Мамина прическа называется 'Бабетта идет на войну'. Мама напевает: 'На тебе сошелся клином белый свет...'. Эта песня и 'Нежность' очень популярны у женщин. Кроме них пользуются успехом: 'Топ, топ, топает малыш с мамой по дорожке, милый стриж...', 'Оранжевое небо, оранжевое море, оранжевое солнце, оранжевый верблюд...', 'Бабушка отложи ты вязанье, заведи старый свой патефон... тарара тарара тарара научи танцевать чарльстон...', 'Жил да был черный кот за углом...'. На мне темно-синий шерстяные брючки и жутко колючая кофточка с вышитой уткой на кармашке.

Игрушки перекечевывают ко мне из магазина 'Культовары'. Это ближний из трех магазинов, если идти от дома к лесу. Они стоят друг за другом – 'Культовары', 'Каблучок' и продмаг. Магазины очень современные, со стеклянными витринами до пола.

Солдатики металлические, окрашенные с ног до головы зеленой или золотистой краской. Все в касках, руки по швам, позади или ничего или автомат ППШ дулом вниз. Есть еще знаменосцы. Большая редкость – пулеметчик, стреляющий лежа из 'максима' или мотоциклист. У них розовые лица, а не зеленые, а на каске – красная звездочка. Пушки тоже металлические, зеленые, с задранным вверх дулом. Из красной мягкой пластмассы набор конников гражданской войны в папах, с саблями наголо, тачанки. Их можно грызть в задумчивости.

В 'Культоварах' мне купили дорогую коробку пластмассовых солдатиков в форме русской армии 1812 года. Всего десяток солдат, из разных родов войск. Все в движении, в разных костюмах, с ружьями, саблями, есть барабанщик, как настоящие. Очень красивые.

Фашистов или белогвардейцев в продаже нет. Приходится условно делить всю свою армию на два лагеря без каких-либо внешних признаков. У меня около сотни солдатиков. Перед сражением с помощью детского конструктора я строю на полу укрепления и укрытия для них.

Еще у меня есть кубики, из которых нужно сложить картинку и картонные, складывающиеся гармошкой книжки. Начали летать в космос и книжки пошли на эту тему. Летит ракета, в иллюминаторах улыбающиеся лица космонавтов –

Феокистов, Титов, Леонов. А еще я люблю детские журналы 'Веселые картинки' и 'Мурзилка'.

У дома по тропинке волоку за собой на веревке большую металлическую ЗИЛ-машину с синей кабиной и кузовом. Она дребезжит на каждом бугорке. Через десять лет эту тропинку асфальтировали.

Тетя Люда, мамина сестра, прислала мне из Германии детскую железную дорогу. Паровозик, вагон и открытая платформа. Паровозик – настоящий, с большими и малыми колесами, с кривошипно-шатунным механизмом. Заводится ключом. Рельсы собираются в кольцо. Наигрался дорогой и решил подарить ее случайному мальчику из соседнего двора.

Он ждал меня во дворе. Сначала я принес ему какие-то другие игрушки.

Раза два ходил из дома во двор. А когда захватил с собой дорогу меня замечали мои и придержались.

Папа любит спорт: футбол, коньки, лыжи, велосипед, но дома у нас нет даже футбольного мяча. Кто-то занес пластиковый мяч. Иногда мы играем в футбол в коридоре, упираясь руками в стенки. Стоит пыль и смех. Пока я не попадаю папе по очкам. Мне смешно, а он орет.

Папа не пропускает футбольных матчей по телевизору, и сам часто играет в футбол на поле за школьным садом и голубятнями. Поле видно с балкона. Играют 'по рублю' – проигравшая команда платит победителям по рублю. Бутылка водки стоит 2 рубля 87 копеек, а позднее стала 3 рубля 62 копейки.

Однажды папа катал меня на чужом, взятом на пару часов велосипеде по Текстильщикам. Быстро. В юности папа неудачно упал с велосипеда и сломал ключицу.

Однажды зимой мы с папой взяли лыжи на день в знакомой грузинской семье, через три дома от нашего. Они тоже переехали с Крестьянской заставы в Кузьминки. Лыжи простые с лямкой. Катались в нашем лесу.

Папа свалился на одном бугорке. Я помню этот бугор. У папы ужасно колючие щеки, когда он прижимает меня к себе.

Своих лыж, велосипеда, коньков, мяча, санок у меня нет.

Трехколесный велосипед есть у маленького Сашки. Когда наши семьи вместе идут в лес, еду на Сашкином велосипеде я. Соскочила цепь и я ору на бедного Сашку, а он опускает голову, и губы его дрожат.

С трех лет я стал ездить в детсад на пятидневку, а позже в лесную школу, где спортивного инвентаря было предостаточно.

Почти сразу после переезда в Кузьминки папа стал пить. Все чаще и чаще. Бабушки уже не было, и мы закрывались с мамой в маленькой комнате, а он бил в дверь и орал.

С пяти, шести лет папа изредка давал мне карманные деньги, по пятнадцать, двадцать копеек, а однажды дал бумажный, желтый рубль.

Это большие деньги. Метро стоит пять копеек, пакетик хрустящего картофеля – десять, кукурузные хлопья с Буратино на пачке – пятнадцать, килограмм яблок – двадцать, мороженное от семи копеек.

Мармелад был другой по вкусу и более упругий. Мармелад в магазине двух видов – 'Балтика' за рубль тридцать, желтенький и волнистый и

'Желейный', кажется за рубль шестьдесят, разных цветов. 'Лимонные и апельсиновые дольки' большая редкость, в развес они не продаются, только в

баночке-тубусе.

Папа недоступный моему уму человек. Чулок под брюками зимой он не носит. Дает мне фору в сотню метров и всегда догоняет. Плюет дальше меня. Когда я подросток он рассказывал как в институте (он бросил строительный и учился на втором курсе в МИЭМ) он с легкостью доказывал у доски теоремы квантовой механики. Я видел его тетрадки с формулами и логарифмическую линейку, с помощью которой он быстро умножал и делил. Он любил шахматы и от случая к случаю учил меня.

Всегда давал мне фору – снимал с доски ферзя или обе ладьи. И все равно выигрывал. Папа выигрывал и у дяди Саши, Сашкиного папы. Он рассказывал о своих шахматных победах на работе. Однажды в гости к нам приехал его приятель с работы. Папа работал на заводе

'Сантехкабин' конструктором. Они сели за шахматы. Папа вначале безудержно хвастался. А приятель больше помалкивал. К концу партии папа притих. Он проиграл, мой непобедимый папа. Впервые видел его растерянным. Но приятель уехал, и неуверенность его прошла.

Однажды папа заставил меня бить незнакомого мальчика. Не помню, почему он его остановил, начал ругать, а потом сказал мне: бей его.

У меня была в руке палка, которой я косил траву. Я врезал мальчику по плечу. Он был старше меня. Стоял и не уходил и не пытался защититься. Папа сказал: еще бей, и я ударил еще несколько раз.

Потом мы разошлись. Я помню это место.

Папа не раз брал меня к себе на работу. Таскал по отделам и хвастал – мой сын. А ехать туда нужно было на метро через всю Москву на Щербаковскую. Однажды он много выпил и на обратном пути уснул прямо в вагоне. Я расплакался, ведь я не умею читать, и не знаю на какой станции выходить. Его растолкали соседи пассажиры.

Вообще, когда мы с папой куда-нибудь идем в Кузьминках, он останавливает знакомых на пути и говорит: 'Посмотри, какой у меня сын вырос'. Часть знакомых – местные пьянчужки, другая – бывшие соседи по Крестьянской заставе. То же самое он говорит тетям из бакалейного и колбасного отделов в нашем магазине у остановки. Мне не нравится, что меня в упор рассматривают и говорят одно и то же:

'Мать честная! Ему бы усы, ну вылитый Володька Трынкин, вылитый!' В таких случаях я прохожу на несколько шагов вперед, чтобы укоротить неожиданную встречу.

Однажды мы поехали с папой на ВДНХ. Прошли через всю территорию и в кафе у пруда он сел выпить за столик. В этот день я съел пять мороженных, разного сорта. Пять. Обычно в день взрослые покупают детям одно мороженное, и потому это запомнилось. Люблю мороженое.

Самое простое стоит семь копеек – фруктовое в стаканчике, со вкусом черной смородины. Следующее – девять копеек, молочный брикет. Эскимо в фольге на палочке стоит одиннадцать копеек. Тринадцать копеек – молочно-фруктовое. Крем-брюле – пятнадцать копеек. Девятнадцать копеек стоит стаканчик сливочного пломбира с кремовой розочкой.

Стаканчики вафельные или бумажные. Двадцать две копейки стоит

'Лакомка', она появилась в 70-х – это сливочный валик в толстом слое глазури

цвета какао. Двадцать восемь копеек – эскимо в орехово-шоколадной глазури. Пломбир за сорок восемь копеек – это большой сливочный брикет в фольге.

С Сашкой Истровым из соседней квартиры мы крепко дружим. Разница в два года не помеха. Мы ходим друг к другу или гуляем вместе.

Мне было пять, а Сашке значит три. Сидим в его комнате, играем.

Шашины родители дядя Саша и тетя Тоня чем-то занимаются в соседней комнате за закрытой дверью. Вдруг Сашка выбросил мишку в окно и смотрит на меня.

– Зачем ты выкинул?

– Мне еще купят. Сашка вышел и вернулся с уткой на колесах.

Большинство его игрушек лежит в чулане, к которому нужно идти через комнату с взрослыми. Сашка закрыл за собой дверь и утку тоже кинул в окно. У меня поползла улыбка. Сашка заметил. Он стал носить игрушку за игрушкой. Принесет, швырнет в окно и смотрит на меня. Это похоже на выступление артиста. И каждый раз все крупнее игрушку приносит.

Как только он появляется с новой игрушкой, я начинаю стонать.

Последней Сашка принес большую деревянную машину 'Чайка'. Я уже плачу со слезами на глазах. Через секунду она глухо грохнулась об землю. Все, больше игрушек нет. Но не такой Сашка. Он потащил к окну ковер с пола. Сам не смеется, только на меня посматривает. С ковром пришлось повозиться. Сашка головой вровень с подоконником, ручки слабые. Мои всхлипывания вперемешку с хрюканьем привлекли внимание родителей. Письменному столу и шкафу можно сказать просто повезло.

Родители Сашку любят и многое ему прощают. Он часто гоняет клюшкой мячик по квартире. Однажды Сашка отдал пас Рагулину... и осколки люстры посыпались прямо в папины макароны. В другой раз захожу к нему – левая кисть забинтована – обжег. Где-то нашел пистолетный патрон и зарядил им детскую поршневую двустолку. Сашка гордо показывал мне разорванное по шву дуло, две пулевые вмятины в обоях и одну в серванте.

В середине 60-х с нижнего балкона слышен Биттлз.

Если в Кузьминках становится совсем невыносимо из-за пьяного отца, мама берет меня и уезжает на несколько дней в Измайлово к родителям. Конечной станцией тогда была Измайловский парк. В вагонах были светильники с открытыми колпаками. Нить накаливания в лампочках

– красного цвета.

До 13-й Парковой мы добирались на автобусе. Район очень зеленый и уютный. Куракины живут в доме на углу 13-й Парковой и Сиреневого бульвара. Панельная пятиэтажка, но от нашей отличается. На лестничной клетке пахнет кожей обитых дверей. На площадке по три квартиры, а не четыре, как у нас. У нас лестничные марши впритык, а здесь между ними большое расстояние – можно запросто уронить пакет с молоком на гвардии полковника. Квартира трехкомнатная, кухня и комната с окнами на восток, две другие комнаты с окнами на запад.

Здесь живут мой дед Сеня, бабушка Люба и две мамы сестры, мои тети – Люда и Наташа. Наташа старше меня всего на год – значит мы друзья. Дед Сеня нас много фотографирует.

У Наташки, когда сердится привычка приговаривать: 'Вот теперь я тебя не люблю!' Это пошло от 'Мойдодыра': 'Вот теперь тебя люблю я...'. Она страшная